

НА БРАТСКОЙ ЛИНІИ.

....Скоро я услышалъ первые выстрѣлы, и не зналъ, что это настоящіе выстрѣлы, подумалъ—мое воображеніе создаетъ ихъ. Но они были совершенно отчетливые, какъ во время наводненія, я даже могъ ихъ считать и пробовалъ считать, помогая себѣ этимъ заснуть, до ста, до тысячи, и все не зналъ, что это настоящіе выстрѣлы.

Съ грохотомъ что-то упало возлѣ меня и зазвенѣло. Я пошарилъ рукой возлѣ себя на полу и нашелъ упавшій со стѣны фонарь. «Вотъ,—подумалъ я,—какъ все пеладится этою ночью, придется еще платить за разбитый фонарь»—и вспоминалъ все: чужую землю, чужіе вагоны, для всѣхъ бесплатные поѣзда. Мы остановились на головной станицѣ, я вышелъ на платформу: горизонтъ предомною горѣлъ и гремѣлъ.

...Къ разсвѣту этотъ бой-гроза затихалъ и, когда проиѣли утренніе пѣтухи—а они и тутъ пѣли—бой сталъ, какъ море послѣ бури: качается море, но все ужъ не то. Что-то ворчало тамъ на невидимой линіи, потрескивало, какъ въ печкѣ дрова, пристукивало, будто работали тамъ кузнецы.

Мы съ докторомъ шли туда по дорогѣ, къ намъ подошелъ артиллеристъ и объявилъ намъ все:

— Строить мостъ.

За восемь верстъ отъ насъ черезъ рѣку строили мостъ, потому гремѣла артилерія и намъ казалось, будто работали тамъ кузнецы.

Я замѣтилъ возлѣ дороги два тополя и удивился, какъ они этой осенью теряли свои листья, верхушки были зеленыя, а внизу уже все облетѣло и казалось мнѣ, будто это все такъ отъ войны. Роца съ высокимъ мачтовымъ лѣсомъ тряслась, какъ въ горячкѣ, отвѣчая непрерывнымъ эхомъ на звуки войны. На поляхъ бродилъ скотъ, люди что-то копали, вѣроятно, попрежнему въ потѣ лица, добывая себѣ изъ земли пищу.

Звуки, похожіе на морской прибой, насъ увлекали итти все впередъ по дорогѣ; тянуло насъ съ вершины утеса упасть въ страшное и прекрасное море. И мы все шли и шли, скатывая время отъ времени пинками сапога въ канаву то шрапнель, то гранату.

Повисло бѣлое плотное облачко и осталось надолго висѣть, какъ привязанное. Сказали: снарядъ разорвался. Блеснетъ въ глазахъ, какъ молнія, посмотришь туда и видишь ужъ только это привязанное облачко. Люди попрежнему копали землю, не обращая вниманія на это, и все вокругъ было по-старому, но только мнѣ стало казаться будто обыкновенная наша земля постепенно удалялась отъ насъ, а что тамъ люди копали землю—видѣнія прежняго древняго міра.

Необыкновенный гулъ наполнилъ воздухъ этого новаго вѣка земли, ростъ, удалялся и такъ еще разъ и еще. Напрасно я старался разсмотрѣть это пролетающее неизвѣстное, повертывался къ нему, провожалъ его. Спутники мои называли эти воздушныя существа «чемоданами» или «марфутками». Разъ не очень далеко отъ насъ это упало на землю и все вокругъ затряслось и загудѣло. Вырвался испуганный выводокъ куропадокъ, чумазыя дѣти бросились бѣжать къ мѣсту взрыва, но тѣ, кто пахалъ, Адамъ и Ева, даже не обернулись: они же, первые люди, живутъ далеко отъ насъ въ библейскихъ сказаніяхъ, имъ не слышно звуковъ XX вѣка.

Безъ ружья и пашки, неся въ рукахъ что-то, остановился солдатъ и угрозилъ па дѣтей. Опъ сказалъ намъ, что несетъ молоко на позиціи и указалъ рукой на ближайшую рощицу: тамъ будто бы и были эти позиціи.

Когда свистнула одна пуля, и другая, и третья, мнѣ стало такъ, будто на меня папали и кричатъ: «руки вверхъ!», но я навсегда рѣшилъ рукъ не поднимать, я очень боюсь, ожидаю со страхомъ слѣдующаго свиста, но рукъ не поднимаю и все иду, иду по тропинкѣ за солдатомъ. А то мнѣ вспомнилось, какъ однажды я, не захвативъ свѣчи, пошелъ за чьимъ-то огонькомъ въ кіевскія катакомбы и какъ со всѣхъ сторонъ стали показываться гробы, а я задыхался отъ испорченнаго воздуха, но вернуться, отстать нельзя, безъ свѣчки одинъ непременно заблудишься—и я шелъ все такъ впередъ и тамъ гдѣ-то въ глубинѣ земли въ подземной церкви слышалъ:

«Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя» .

Солдатикъ нашъ вдругъ круто повернулъ въ бокъ и мы увидѣли недалеко отъ насъ большія орудія и людей. Но и тутъ возлѣ самыхъ орудій женщины старыя и молодыя выкапывали картошку и онѣ поемѣялись, какъ солдатъ обѣими своими руками несъ крынку молока. Только шутки женщинъ и улыбки были не тѣ, какъ у насъ. У насъ—какъ давно это было!—я помню у насъ на берегу толпу, стонущую и даже падающую отъ горя, женщинъ и между ними одного такого же какъ эготъ, солдата; долго не зналъ солдатъ, какъ ему быть, поглядывалъ на стонущихъ женщинъ, на по колѣно стоящую въ водѣ лошадь и какъ онъ вдругъ отстранилъ рукой отъ себя своихъ женщинъ, сѣлъ въ телѣгу и, не оглядываясь, поѣхалъ черезъ рѣку: назади осталась одна земля, за рѣкой другая.

День и ночь тарахтѣла по нашей дорогѣ телѣга смерти и смолкала у рѣки и тамъ за рѣкой, казалось намъ, ѣхали уже другіе, преображенные люди. И вотъ теперь я слышу ясно, какъ недалеко тарахтитъ машина смерти, словно оканчиваетъ всѣ эти работы по обыкновенной землѣ.

Мы взобрались на какой-то холмикъ, увидѣли рѣку и за рѣкой городъ. Тамъ у берега зеленый лугъ былъ вспаханъ снарядами до черна и у самаго берега стояли разрушенныя деревья. Я видѣлъ, какъ снарядъ попалъ въ рѣку, поднялъ бѣлый столбъ, вода далеко разлилась по плоскому берегу и женщина съ корзиной

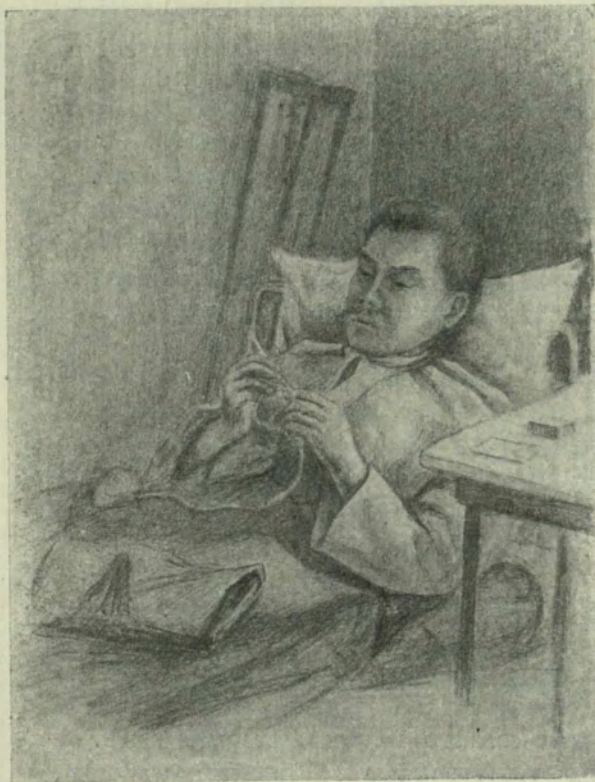
выползла изъ подвала подъ пулями собирать себѣ рыбу. Вокругъ стояли деревья, кустики, какъ далекия воспоминанія о нашей прежней землѣ.

Еще немного впереди мы прошли по дорогѣ и увидѣли длинный, ровный, какъ строчка, послѣдній рядъ людей, лежащихъ въ землѣ съ ружьями въ рукахъ, дальше ужъ работъ никакихъ не было, ни людей, ни животныхъ: мы достигли самой братской лини.

Что-то строгое лицо посмотрѣло на насъ изъ земли и приковало на мѣстѣ, лицо было и знакомое и новое, такъ же, какъ и у солдатъ въ немъ былъ свѣтъ братской лини.

«Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

М. П р и ш в и н ъ.

Э. И. Шаповалъ.
«Товарищамъ — яванье раненныхъ».